

Этот паршивец Хань Линь всегда отличался особым талантом: стоило тебе выйти из себя, как он тут же включал покладистость и начинал брать измором. Сам весь такой вежливый, благоразумный — полезешь с кулаками, и сам же выставишь себя неотёсанным быдлом.

Вернувшись на своё место, Линь Цзунцзе не почувствовал ни облегчения, ни злорадства. Напротив, перед глазами всё стоял тот миг, когда Хань Линь обиженно опустил голову, и от этого воспоминания на душе сделалось как-то скверно.

«Что за фокусы? — раздражённо размышлял он. — Уселся на чужое место и делает вид, будто так и надо? Ну и что, что вчера заикался об этом, я-то согласия не давал! Хотя, зная, какой он ранимый, как бы этот слабак и впрямь не разревелся после моего окрика».

Линь Цзунцзе даже скосил глаза, пытаясь рассмотреть лицо соседа.

Да нет, всё та же ледяная маска. Этот сухарь и бровью не поведёт, даже если небо на землю рухнет, какой там плакать.

«И о чём только я думаю?» — мысленно фыркнул Линь Цзунцзе.

Целый день на баскетбольной площадке давал о себе знать — усталость навалилась свинцовая. По заведённой привычке, едва переступив порог класса, он рухнул на стул, уткнулся носом в сложенные руки и мгновенно провалился в сон.

Проспал он долго, пустив во сне слюни. Очнувшись от собственного шумного вдоха, Линь Цзунцзе грубо выдрал из пачки несколько салфеток, наспех стёр следы своего «богатырского сна» со стола и запястья и, покачиваясь от полусонной одури, отодвинул стул. Пора было сваливать.

Но не успел он сделать и шага, как сзади его кто-то придержал. Натяжение ткани было слабым, почти невесомым, однако заставило его остановиться.

Занятия давно закончились, и в кабинете они остались совсем одни. Обернувшись, Линь Цзунцзе наткнулся на пристальный взгляд Хань Линя. Тот держал его за край школьной куртки тонкими, аккуратными пальцами.

— Чего тебе? — Линь Цзунцзе недовольно дёрнул плечом, высвобождая куртку, и нахмурился.

— Надо поговорить насчёт пересадки.

— Никаких пересадок.

— С учётом вчерашнего дня, ты уже полторы недели подряд перекрываешь мне выход, —

ровным тоном произнёс Хань Линь. — Сейчас половина одиннадцатого вечера. На последний автобус я благополучно опоздал. Ты ведь не думаешь, что я теперь каждый день должен возвращаться на такси?

— Да хоть на вертолёте летай, мне-то какое дело?

— А ты мне расходы оплатишь?

— Чего?!

— После десяти вечера у таксистов действует ночной тариф с наценкой в двадцать процентов. Я обычный ученик из самой обычной семьи, у меня карманных денег — максимум пятьсот юаней в месяц. У нас в школе один полувыходной в воскресенье каждую неделю и два дня отдыха в конце месяца. Это значит, что три недели в месяц мы учимся по шесть дней, а одну — пять. Трижды семь — двадцать один, плюс пять — получаем двадцать шесть дней в месяц, когда мне придётся брать машину. В прошлый раз поездка обошлась в пятьдесят шесть юаней. Двадцать шесть умножить на пятьдесят шесть — это тысяча четыреста пятьдесят шесть юаней. Моего бюджета хватит разве что на эти несчастные четыреста пятьдесят шесть. Недостающую тысячу ты мне из своего кармана доплатишь?

—...

— Одноклассник Линь, я вовсе не собираюсь конфликтовать, — вздохнул Хань Линь. — Пересадка — мера вынужденная. Но если ты наотрез отказываешься меняться местами и при этом не горишь желанием оплачивать мои транспортные расходы, то увы. Боюсь, нам придётся перестать быть соседями по парте.

Линь Цзунцзе задумался.

«И правда, на кой чёрт мне сдался этот Хань Линь в соседях? Скучный, спорт презирает, вечно ходит с миной покойника, да ещё и язвит постоянно. Учится-то он блестяще, но списать ни разу не дал. Про контрольные и заикаться не стоит — попытайся я списать, этот зубрила первый же руку поднимет и сдаст меня учителю с потрохами».

В общем, мысленно перечислив внушительный список чужих недостатков и укрепившись в мысли «да на кой он мне сдался», Линь Цзунцзе уверенно кивнул.

То есть... согласился на пересадку...

Подождите, что?!

— Ладно, я не жадный! — спохватился Линь Цзунцзе, догоняя соседа. — Но ты ведь пересел втихую, даже не спросив! Это же чистой воды неуважение. По-твоему, я, Линь Цзунцзе, какая-

то размазня, об которую каждый может ноги вытирать? О таких вещах заранее договариваются. Сложно было дожждаться меня и нормально поговорить? А ты взял и поставил перед фактом. Это шантаж, чистой воды шантаж! Эй, Хань Линь! Да постой ты! Слышишь? Я оплачу тебе это чёртово такси!

Кто бы мог подумать, что этот вечно возвышенный отличник окажется таким меркантильным. Но стоило прозвучать заветной сумме в пятьдесят шесть юаней, как Хань Линь тут же замер на месте, соизволив дожждаться своего великовозрастного одноклассника.

Хань Линь выглядел на удивление утончённо — черты лица тонкие, почти девичьи, взгляд ясный и спокойный. Он составлял разительный контраст с Линь Цзунцзе, от которого за версту веяло буйными, первобытными мужскими гормонами. От Хань Линя же исходило ощущение чистоты и свежести, словно от прогретой летним солнцем травы.

Хань Линь обернулся как раз под конусом теплого света от уличного фонаря. На секунду Линь Цзунцзе показалось, что парень весь как-то странно светится изнутри.

Хань Линь выжидающе протянул ладонь. Линь Цзунцзе завис на пару секунд, а потом принялся лихорадочно шарить по карманам. Выгреб кучу примятой мелочи и мятых купюр, отыскал среди этого бумажного хаоса единственную розовую сотню, кое-как расправил загнутые уголки и вложил в руку одноклассника.

— Спасибо, — лаконично поблагодарил Хань Линь.

— Слышь, а ты где вообще живёшь? Нам по пути? Если да, давай вместе доедем?

— Не по пути.

— Эй! Я даже сказать не успел, где мой дом, а ты уже отнекиваешься! Что за отмазки?

— Правда не по пути.

— Да с чего ты взял...

— Ты живёшь на юге города, а я на севере. При всём желании подбросить не получится.

Хань Линь неторопливо зашагал вперёд. Длинноногому Линь Цзунцзе приходилось сдерживать шаг, чтобы не обгонять его. Он шёл чуть позади, разглядывая мягкие, послушные пряди на затылке соседа. Пару раз у него даже возникло глупое желание взъерошить эти аккуратно уложенные волосы, но, здраво рассудив, что за такое можно и схлопотать, он вовремя отдернул руку.

— Список домашнего задания я записал на бумаге для заметок и приклеил к твоей ручке, — не оборачиваясь, заговорил Хань Линь. — Все нужные учебники и тетради уже у тебя в рюкзаке. Даже если ничего не решишь, хотя бы имя своё сверху черкни. Не хочу завтра краснеть перед классным руководителем, когда он опять спросит, где твоя домашка.

— А если я споткнусь на какой-нибудь задаче, спросить тебя можно?

— Можно.

— Ну так черкни номерок.

—...

— Сам подумай: упрусь я рогом в пример, как мне у тебя консультироваться? До утра ждать, что ли? Ладно, если телефон зажимаешь, дай хоть WeChat, QQ или почту электронную.

—...

— Эй, ну ты чего молчишь?

— До завтра потерпит, — наконец отозвался Хань Линь. — Всё равно ты ни черта не решишь. А у меня нет никакого желания всю ночь выслушивать твоё нытьё по телефону.

— Вот же гад! Так во мне сомневаешься? А если я всё сделаю, а? Спорим?

— Всё сделаешь?

Хань Линь поднял руку, останавливая свободную машину. Уже заноса ногу в салон, он обернулся и снисходительно повёл плечом:

— Если у тебя получится решить всё до единой строчки, то обещаю — выполню любое твоё условие. Ловлю на слове.

— За язык тебя никто не тянул, смотри не нарисуй потом заднюю!

— Слово не воробей...

—...

Хань Линь хмыкнул. Видя, как озадаченно завис Линь Цзунцзе, явно не сильный в народной

мудрости, он, уже забираясь на заднее сиденье, вздохнул и закончил сам:

—...вылетит — не поймаешь.

«М-да, этот оболтус мало того что учиться не хочет, так он, похоже, даже сериалы по телику не смотрит? Неужели всё детство в песочнице куличики лепил? Тоже талант своего рода. Снимаю шляпу».

Проводив взглядом уносящееся такси, Линь Цзунцзе вздохнул и поднял руку, ловя попутку для себя.

Вернувшись домой, он зажёл настольную лампу, швырнул рюкзак на стол и выдвинул стул, на который не садился, казалось, со времён средней школы. Минут десять он просто тупо пялился в одну точку, прежде чем сообразил наконец открыть рюкзак.

Почерк у Хань Линя оказался под стать хозяину — аккуратный, каллиграфически выверенный, строчка к строчке. Не то что каракули самого Линь Цзунцзе, в которых без бутылки не разберёшься: его писанину мог бы расшифровать разве что опытный фармацевт, привыкший разбирать рецепты профессоров медицины.

— Так, по китайскому один тест, сочинение можно пропустить... По математике — решить всё. По английскому — решить всё. По естественным наукам — тоже всё... Мать твою, откуда столько макулатуры?! — Линь Цзунцзе в ужасе поворошил грудю листов. — Я же тут до самого рассвета просижу!

Он уже зашвырнул ручку в угол и сходил в душ, твёрдо вознамерившись лечь спать, но образ Хань Линя — его невозмутимое лицо, насмешливый прищур — никак не шёл из головы. Всплывал перед глазами снова и снова, не давая покоя.

«Сглазил он меня, что ли, чертяка?» — раздражённо подумал Линь Цзунцзе.

Он ворочался с боку на бок, но сон не шёл. Лежать без дела казалось чуть ли не преступлением. Стоило зажмуриться, как воображение рисовало Хань Линя, который наверняка прямо сейчас сидел под лампой и увлечённо щёлкал зубодробительные формулы. Линь Цзунцзе накрыло удушливой волной стыда за собственное безделье.

Хань Линь зрил в корень: стоило разложить перед собой листы, как выяснилось, что Линь Цзунцзе не понимает ровным счётом ничего. Там, где вопросы казались китайской грамотой, он тыкал наобум. Там, где суть вопроса улавливал, но понятия не имел о решении — тоже ставил галочки в случайных местах. И лишь над жалкой горсткой заданий, которые действительно были ему под силу, он потел всерьёз, старательно выводя то, что искренне считал «правильными ответами».

Когда с этой пыткой было покончено, часы показывали четверть первого ночи. Забравшись под одеяло с телефоном в руках, Линь Цзунцзе несколько раз пролистал список контактов, но с досадой обнаружил, что у него нет номеров ни одного из новых одноклассников из девятого класса.

Утром Сун Чэн, лениво жуя на ходу горячий баоцзы с говядиной, переступил порог класса и застыл. Ему на секунду показалось, что он всё ещё спит. Парень несколько раз ошалело протёр глаза и только потом истошно завопил на весь кабинет:

— Мать моя женщина! Президент, у тебя дома будильник взорвался, что ли? Чего припёрся в такую рань? Списать приспичило?

— А утренний класс разве не в семь двадцать? — буркнул Линь Цзунцзе. — Уже семь пятнадцать, а тут шаром покати. Где все?

В классе действительно царила мёртвая тишина — ни души, даже призраков не наблюдалось.

Сун Чэн прошёл через весь класс к первой парте, небрежно швырнул рюкзак и уселся на стул верхом, развернувшись к Линь Цзунцзе.

— Ой, наивный ты человек! Наш класс — те ещё проныры, — хмыкнул он, заговорщицки поигрывая бровями. — Самоподготовка у нас в семь двадцать, так эти жуки вваливаются ровно в семь девятнадцать и пятьдесят девять секунд. Твой хваленый Сюэвэй, кстати, не исключение. Обожди минуты четыре, и тут яблоку негде будет упасть.

— И что, этот зануда Хань Линь не приходит за час до уроков, чтобы зубрить английский? — удивился Линь Цзунцзе.

— Сюэвэй тоже человек. А любому нормальному человеку хочется поспать подольше. У них и так нагрузка выше крыши, так что при любой возможности они не упустят шанс пофилонить.

— Ну не знаю. Мне казалось, он готов учиться двадцать четыре на семь без перерыва на обед, а ты говоришь — пофилонить.

И всё-таки ключевой класс — это отдельная вселенная. Линь Цзунцзе впервые в жизни наблюдал чудо: ровно за тридцать секунд пустой кабинет превратился в гудящий улей. В его прежней школе расклад был простым: либо зубрили притаскивались за час до звонка, либо прогульщики вообще не являлись. Подобной синхронности он ещё не видывал. Воистину, потрясающее зрелище, просто фантастика...

Хань Линь вплыл в класс, лениво потягивая из стаканчика дымящееся соевое молоко. Линь

Цзунцзе впервые видел своего идеального соседа в таком полумёртвом состоянии: глаза сонные, веки полуприкрыты, белки слегка покраснели от недосыпа. Он на автопилоте добрёл до парты, остановился прямо перед Линь Цзунцзе и замер, уставившись на него расфокусированным взглядом. Ни здарсьте, ни подвинься — просто стоит как привидение.

Решив, что он загораживает проход, Линь Цзунцзе вежливо придвинул свой стул ближе к столу.

Хань Линь не шелохнулся.

Линь Цзунцзе тоже застыл.

Хань Линь слабо нахмурился.

Линь Цзунцзе в ответ соорудил мину в духе: «Слышь, я тут с утра пораньше совершаю подвиг ради учёбы, а ты мне уже с порога рожи строишь?»

Хань Линь посмотрел на него с тихим отчаянием.

«Забыл, придурок. Точно забыл», — мысленно вздохнул Сюэвэй.

Да уж, звание «худшего ученика» Линь Цзунцзе носил абсолютно заслуженно. Иметь настолько короткую девичью память — это тоже надо умудриться.

— Мы же вчера... договорились поменяться местами, — выдавил из себя Хань Линь охрипшим со сна голосом.

—...

—...

— А, точно! — Линь Цзунцзе даже бровью не повёл, ни капли не смутившись своей забывчивости.

Он легко перешагнул через проход и плюхнулся на бывшее место Хань Линя. Откинувшись на спину и упёршись лопатками в стену, он подпёр подбородок ладонью и принялся с интересом наблюдать, как послушный Сюэвэй аккуратно устраивается на его прежнем стуле.

— Домашку сделал? — спросил Хань Линь.

— Сделал.

— Давай сюда.

Хань Линь лениво вытянул ладонь в сторону соседа, даже не повернув головы. Он продолжал безучастно смотреть перед собой, мерно потягивая соевое молоко через трубочку. Линь Цзунцзе на секунду засмотрелся на его тонкие, изящные пальцы, а потом спохватился, полез в рюкзак и выгреб ворох исписанных листов, вложив их в протянутую руку.

<http://bllate.org/book/18229/1751815>